голословным, укажу на любопытную заметку в „Санкт-Петербургских ведомостях“, 1729, 16 сентября, № 74, в которой сообщается, что недавно рождение наследника французского престола (принца Людовика, отца Людовика XVI) было предсказано парижскими астрономами, обнаружившими во время беременности королевы-матери новую звезду вблизи солнца.

Таким образом, в основе „Гистории о царевиче Ярополе“ лежит какое-то старое произведение, повесть допетровского времени; в 1740-х, 1750-х гг. она, повидимому, была переделана и приноровлена ко вкусам литературных ценителей из подъяческой среды. На это заключение наводит наличие ряда реалий, относящихся ко второй четверти XVIII в. Следы переработки можно усмотреть в том, что некоторые эпизоды, намечавшиеся в повести, остались затем не развитыми. Так, например, министр, к которому за границей поступают царевич Моаф и его мудрый наставник Агар, предупреждает последних о том, что они должны сообщать ему обо всем слышанном (стр. 224), а в самой повести этот эпизод не развертывается. Также свидетельством какой-то неудачной обработки повести-оригинала является то, что, с одной стороны, поиски царем Адидором исчезнувших Моафа с Агаром оказались безрезультатными (стр. 233), а с другой — покинутая Моафом Алимпиада открывает своему сыну, кто его отец и где он царствует (стр. 234).

Не могу не отметить некоторых особенностей художественной манеры неизвестного автора „Гистории о царевиче Ярополе“. В повести есть несколько любопытных своей реалистичностью, даже натуралистичностью мест. Так, изображая танцы придворных фрейлин, автор „Гистории“ пишет: „Так танцовали, что и сорочки хотя выжми от поту их“ (стр. 228). В другом месте изображается впечатление, произведенное на коней двух враждебных войск грохотом музыкальных инструментов: „И здесь как забили в бубны и в политавры, во обоих сражающихся силах на подобие, яко гром загремеша; и кони оного царя Антиоха падоша на землю от страху, ибо такого бубного ударения и в политавры играния не слыхали, а у Ярополa цесаревича стояще ободряхуся, только ушами потиху шевелеша“ (стр. 268). Нельзя не признать этот образ прекрасным: „только ушами потиху шевелеша“. Возможно, что автор был сам человеком военным и наблюдал подобное и в жизни.

Но относится ли это к автору повести-оригинала или обработки, сказать трудно; скорее можно допустить, что этот образ был в старой „воинской“ повести (на это наводит форма „шевелеша“), а не был внесен при переработке.

Подведем итоги:

1. То, что в науке называется „петровской повестью“, представляет сочетание ряда хронологически различных этапов истории повествовательного жанра.